

A person in a dark coat stands on a bridge with an ornate metal railing, looking out over a foggy city at night. In the background, a large, illuminated cathedral with multiple domes is visible through the mist. Streetlights line the bridge and the surrounding streets, creating a moody and atmospheric scene.

Не бояться молча

Александр Шаевич

Александр Шаевич

Не бояться молча

<https://litres.ru/74265403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мария Николаевна одиннадцать лет работает в засекреченном Отделе «Р» — разбирает чужие легенды по кирпичику в поисках трещины. Разговаривать с предателями она умеет лучше, чем с собственной семнадцатилетней дочерью.

Новое дело кажется рутинным: пограничная служба задержала человека, который официально умер четыре года назад в Красноярске. Документы безупречны, биометрия совпадает — но кто-то не подделал чужую личность, а собрал новую из настоящих документов настоящих людей.

Всё меняется, когда цифровой след «мертвеца» начинает пересекаться с маршрутом школьного автобуса, которым каждое утро едет её дочь.

Система верит документам. Мария должна доказать, что живой человек существует, даже когда все данные утверждают обратное — и понять, чего она сама готова не заметить, лишь бы защитить единственного близкого человека.

Техно-триллер о том, что никакая база данных не заменит решения — поверить живому человеку.

Содержание

Глава 1. Обычный вторник	4
Глава 2. Тихий запрос	13
Глава 3. Три личности одного мертвеца	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Шаевич

Не бояться молча

Глава 1. Обычный вторник

Из внутреннего регламента, гриф ограниченного доступа

Отдел «Р» («Резонанс») Функция: верификация идентичности физических лиц в случаях, не поддающихся стандартным протоколам проверки — при расхождении между биометрическими данными и архивными записями; при аномалиях цифрового следа; при обоснованном подозрении на использование синтетической личности, собранной из утечек защищённых баз данных. Примечание: заключения отдела носят рекомендательный характер и не имеют статуса юридического доказательства.

Будильник прозвонил в шесть сорок. Мария Николаевна уже лежала с открытыми глазами, слушая, как за стеной, в комнате дочери, гудит фен — Настя опять мыла голову с вечера недосушенные волосы, чтобы утром не тратить время, и всё равно каждое утро сушила их заново, потому что «так некрасиво ложатся».

Маша встала, прошла на кухню, включила чайник и только тогда посмотрела на себя в тёмное окно — рассвет в марте в Петербурге наступал неохотно, будто город сам не был

уверен, что готов начинать новый день. Сорок один год. Она не боялась этой цифры, но иногда удивлялась ей — как будто кто-то посторонний вписал её в документ вместо настоящей даты. Одни дни она чувствовала себя моложе этой цифры, другие — вдвое старше: в те дни, когда голова гудела от чужих легенд, чужих биографий, чужих жизней, которые она с восьми до пяти разбирала по кирпичику в поисках трещины.

— Мам, у нас сахар кончился, — сказала Настя, появляясь в дверях кухни в наушниках, один из которых торчал наружу, потому что дочь никогда не снимала оба сразу, даже дома, будто боялась пропустить что-то важное из внешнего мира, пока говорит с матерью.

— Я знаю. Купила вчера, пакет в шкафу над плитой.

— А, — Настя не поблагодарила, просто открыла шкаф, достала пакет и, не глядя, отсыпала себе в кружку с хлопьями ровно столько, сколько нужно было, чтобы Маша поморщилась внутренне, но ничего не сказала. Это была их обычная утренняя хореография: минимум слов, максимум движений, каждое из которых означало что-то, о чём ни та ни другая вслух не говорили.

Маша смотрела на дочь и молчала. Настя злилась не сразу — копила неделями, из невытой чашки и забытого звонка, а потом взрывалась из-за какой-нибудь ерунды, и каждый раз это заставляло Машу врасплох, будто хорошо знакомая дорога вдруг обрывалась там, где карта обещала мост.

— Ты сегодня во сколько? — спросила Настя, уже с курт-

кой в руках.

— Как обычно. Может, задержусь.

— Как обычно, — повторила Настя без всякой интонации. Она вышла, хлопнув дверью чуть сильнее, чем требовалось для обычного «пока».

Маша осталась одна в кухне с чашкой остывающего чая и подумала — не в первый раз за последний год — что умеет разговаривать с предателями лучше, чем с собственным ребёнком. С предателями было проще: у них были мотивы, которые можно было вычислить, схемы поведения, которые можно было предсказать. У Насти была любовь, которая не хотела становиться понятной, и это пугало гораздо больше, чем любая легенда с двойным дном.

Отдел «Р» занимал два с половиной этажа в здании без вывески в паре кварталов от Марсова поля, и уже одиннадцать лет Маша ходила туда пешком, потому что маршрут проходил мимо Мойки, а вид на воду по утрам был единственной роскошью, которую она себе позволяла бесплатно.

— Мария, у вас на столе странный кейс, — сказал Дима Ковров, едва она сняла куртку. Он был на пятнадцать лет младше и единственный в отделе, кто мог сказать ей неприятное прямо в лицо, не подбирая слов, — за это она давно решила, что доверяет ему больше, чем остальным.

— У меня на столе всегда странный кейс. Иначе меня бы сюда не звали.

— Нет, этот реально странный. — Дима протянул план-

шет, не сядясь, будто хотел видеть её реакцию с самого начала. — Смотрите сами.

На экране была фотография мужчины лет пятидесяти, снятая камерой видеонаблюдения в аэропорту Пулково. Обычное качество, обычный ракурс. Рядом — карточка с данными: имя, дата рождения, место работы, история перемещений за последние три года. Всё выглядело абсолютно рутинно.

— И что здесь странного? — спросила Маша, хотя уже видела: слишком гладко. Слишком идеально гладко для реального человека.

— А то, что этого человека не существует, — сказал Дима. — Точнее, существует, камера его зафиксировала, паспорт настоящий, биометрия совпадает. Но человек, который значится в архивах МВД под этим именем, умер четыре года назад. В Красноярске. От инфаркта. Есть свидетельство о смерти, есть похороны, есть родственники, которые его хоронили.

Маша взяла планшет, пролистала данные медленнее. Всё было составлено безупречно — слишком безупречно, как хорошо отреставрированная картина, в которой реставратор случайно исправил трещину, которой не должно было быть в оригинале.

— Кто запросил проверку?

— Пограничная служба. У них сработал внутренний флаг — не по документам, по поведению. Человек слишком долго

стоял у стойки, будто не знал, куда идти дальше, хотя маршрут у него был давно спланирован. Мелочь, но их система училась на таких мелочах.

— То есть документы идеальны, а человек — нет, — сказала Маша, скорее себе, чем Диме.

— Именно наоборот, Мария. Документы идеальны настолько, что кажутся ненастоящими. А человек ведёт себя абсолютно естественно. Как будто он настоящий, а бумажная версия его жизни — нет.

Маша долго смотрела на снимок. В её многолетней практике бывали десятки поддельных легенд — плохо склеенных, с зазорами, которые она находила за час работы. Но здесь было что-то другое: словно кто-то не подделал документы человека, а собрал нового человека из настоящих документов чужих людей — так аккуратно, что швов не было видно вообще, только там, где реальная жизнь начинала сопротивляться идеальной системе.

— Мне нужен полный архив по покойнику из Красноярска, — сказала она. — И список всех, кто имел доступ к базе МВД за последние два года по этому личному делу.

— Уже заказал. — Дима на секунду замялся, что было ему несвойственно. — Мария, есть ещё одна деталь, которая мне не нравится.

— Говори.

— Один из цифровых следов, которые всплыли при первичном анализе маршрута этого «Красноярского покойни-

ка» — пересечение с маршрутом школьного автобуса. По времени и по геолокации. Автобус, который каждый день ездит по маршруту от Петроградской до гимназии на Кировских островах.

Маша поставила планшет на стол, прежде чем ответить.

— Это же маршрут Насти, — сказала она тихо.

— Я не утверждаю, что это связано напрямую, — быстро сказал Дима. — Совпадений в больших данных случается больше, чем кажется. Но я не мог не сказать вам.

— Сколько раз пересечение? — спросила Маша, не глядя на него, уже листая карту маршрутов на своём экране.

— Три за последний месяц. Всегда в интервале с семи со-рока до восьми утра.

Она пролистала три даты, сверяя их со своей памятью — не с записями, а именно с памятью, потому что записей о собственной дочери она никогда не вела. Все три даты приходились на будни. Ничего необычного она вспомнить не смогла, и это раздражало больше, чем если бы вспомнила хоть что-то тревожное: получалось, что три обычных утра прошли мимо неё незамеченными, а кто-то другой в это время фиксировал их с точностью до минуты.

Маша молчала. За окном отдела был виден серый петербургский двор, голуби на карнизе напротив, обычная городская жизнь, которая продолжалась вне зависимости от того, что происходило у неё внутри. Она подумала о Насте с её наушниками, с её вечным «как обычно», с её жизнью, о кото-

рой Маша знала преступно мало для человека, чья профессия — знать о людях всё.

— Дима, — сказала она наконец. — Собери мне всё, что можно найти по этому пересечению. Тихо. Без официально-го запроса, пока я не пойму, стоит ли поднимать шум.

— А если это ничего не значит?

— Тогда я потрачу вечер зря. А если значит...

Она не закончила фразу. В этом и была разница между её профессиональной жизнью и личной: на работе она умела задавать вопросы до конца. Дома — только начинала их и обрывала на середине, боясь ответа больше, чем неизвестности.

Вечером, когда Маша вернулась домой позже обычного, в квартире было темно, кроме полоски света под дверью Настиной комнаты. Она постояла в коридоре, слушая приглушённую музыку — что-то печальное, судя по темпу, — и подумала, не постучать ли. Обычно она не стучала: заходила, спрашивала что-нибудь бытовое, получала односложный ответ и уходила, унося с собой ощущение, что упустила момент, в который могла бы сказать что-то настоящее.

В этот вечер она постучала.

— Да? — донеслось из-за двери, без раздражения, но и без интереса.

Маша вошла. Настя сидела на кровати с телефоном, но, увидев мать, отложила его — маленький жест, который Маша отметила с той же профессиональной внимательностью,

с какой отмечала несостыковки в чужих легендах. Обычно телефон не откладывали.

— Я не буду спрашивать, как дела в школе, — сказала Маша, садясь на край кровати. — Я знаю, что ты это ненавидишь.

Настя посмотрела на неё с лёгким удивлением, будто не ожидала честности вместо привычного ритуала.

— А что ты будешь спрашивать?

— Ничего. Хотела просто посидеть немного. Если ты не против.

Повисла пауза, в которой было больше, чем в любом их предыдущем разговоре за последний месяц. Настя не ответила словами — она просто подвинулась немного, освобождая место, и это было ответом.

Маша сидела рядом с дочерью в полутёмной комнате, слушала её печальную музыку и думала о человеке из аэропорта, о маршруте школьного автобуса, о том, что где-то в базах данных, в переплетении утечек и синтетических личностей, могла проходить тонкая нить, которая вела прямо сюда, в эту комнату, к этой девочке, отложившей телефон, чтобы посидеть рядом с матерью пять минут молча.

Она ничего не сказала Насте про работу. Ещё не время. Но впервые за долгое время она вышла из комнаты дочери с ощущением, что нашла не трещину, а маленькую, хрупкую, настоящую вещь — и решила, что бы ни оказалось завтра в архивах, она не позволит работе снова забрать у неё этот

вечер.

Глава 2. Тихий запрос

Утром Маша сделала то, чего не делала уже года три: пришла на работу на сорок минут раньше официального начала, чтобы успеть посмотреть архив до того, как отдел проснётся и начнёт задавать вопросы.

Запрос она составила максимально нейтрально — без пометки «срочно», без упоминания школьного маршрута, просто: «дополнительная проверка по делу 4471, доступ к перемещениям объекта за последние шесть месяцев». В формулировке не было ничего, что могло бы привлечь внимание, кроме одного — она подавала его не через общий канал, а напрямую в архив, в обход дежурного аналитика, к которому обычно шли такие запросы.

— Раненько вы сегодня, Мария Николаевна, — сказал начальник отдела Валерий Петрович Соснин, появляясь в дверях её кабинета с чашкой кофе, которую всегда держал так, будто она была важнее содержимого разговора. Он один во всём отделе продолжал звать её по отчеству, и она давно перестала поправлять — с начальством такие вещи не обсуждают.

— Дело Коврова требует внимания, — ответила она, не отрываясь от экрана. — Аномальный кейс с погранслужбы.

— Знаю, читал сводку. — Соснин присел на край её стола, что означало: разговор будет длиннее, чем ей хотелось бы.

— Странная история. У вас уже есть версия?

— Рано говорить о версии. Пока только вопросы.

— Мария Николаевна, я не для того зашёл, чтобы торопить вас с выводами. — Он отпил кофе, глядя на неё поверх чашки тем взглядом, каким смотрят люди, привыкшие читать подчинённых лучше, чем те думают. — Я зашёл спросить, почему запрос по делу пошёл в обход дежурного аналитика.

Маша ждала этого вопроса, но не так рано.

— Хотела, чтобы данные были обработаны быстрее. Дежурный аналитик перегружен с понедельника.

— Возможно. — Соснин не спорил, но и не поверил — это чувствовалось по паузе, которую он выдержал, прежде чем продолжить. — Просто в делах с формулировкой «синтетическая личность» у нас есть протокол уведомления вышестоящих инстанций. Вы его пока не запускали.

— Запущу, когда будет что показать. Сейчас у меня только фотография мужчины и мёртвый человек в Красноярске, чьё имя он носит. Докладывать наверх с этим — значит получить кучу вопросов, на которые у меня пока нет ответов, и потерять время на объяснения вместо работы.

Соснин долго молчал, изучая её так, будто решал какую-то свою внутреннюю задачу, не имеющую отношения к делу Коврова напрямую.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Три дня без протокола. Потом либо докладываете, либо я делаю это за вас.

Когда он вышел, Маша поняла, что руки у неё слегка дрожат — не от страха, а от раздражения на саму себя за то, что не подготовилась к разговору лучше. Три дня. Этого было мало для полноценного расследования и много для того, чтобы объяснить дочери, почему мать вдруг стала спрашивать о её школьном автобусе.

Архив пришёл к обеду — сухие строки перемещений человека, который официально умер четыре года назад в Красноярске, а неофициально три раза за последний месяц оказывался в районе Петроградской стороны между семью сорока и восемью утра.

Маша наложила эти данные на карту маршрута школьного автобуса Насти и увидела то, что и ожидала увидеть: пересечение было не случайным совпадением траекторий, а точным повторением — человек оказывался в одной и той же точке, на одной и той же остановке, с разницей в несколько минут от прибытия автобуса.

Она позвонила Диме.

— Три пересечения — это не случайность, — сказала она без предисловий. — Это наблюдение.

— За автобусом? — уточнил Дима. — Или за конкретным пассажиром?

— Не знаю. Пока не знаю. Мне нужны камеры на этой остановке за три даты.

— Уже запрашиваю. — Пауза на другом конце линии длилась секунду дольше обычного. — Мария, вы уверены, что

хотите заниматься этим сами? Если это действительно касается вашей дочери, по протоколу дело должны передать другому аналитику. Личная заинтересованность.

— Знаю протокол, Дима. Я его придумывала вместе с Сосниным семь лет назад.

— Тогда вы знаете и то, что нарушаете его прямо сейчас. Маша посмотрела в окно на серый двор, на голубей, которые в этом городе были единственными существами, чья жизнь никогда не менялась в зависимости от того, что происходило в чужих личных делах.

— Три дня, Дима. Дай мне три дня, прежде чем передавать это кому-то ещё.

Дима не ответил сразу, и в этом молчании было согласие — не потому что он одобрял её решение, а потому что слишком хорошо знал её, чтобы спорить в такой момент.

Вечером позвонил Игорь — бывший муж, с которым Маша разговаривала теперь только по вопросам, касающимся Насти, и то в основном текстовыми сообщениями, потому что живой голос между ними давно превратился в инструмент, который использовали только когда переписка не справлялась.

— Настя сказала, что ты в последнее время странно себя ведёшь, — сказал он вместо приветствия.

— Как именно странно?

— Спрашиваешь про её маршрут в школу. Про то, во сколько она выходит из дома. Она думает, что ты ей не до-

веряешь.

Маша прикрыла глаза на секунду. За окном кто-то завёл машину и не сразу заглушил сигнализацию — звук вклинился в паузу между её словами и словами Игоря, и она подождала, пока он стихнет, прежде чем ответить.

— Игорь, это не про доверие.

— А про что тогда? Ты же понимаешь, что для четырнадцатилетней... — он поправился, — для семнадцатилетней девочки внезапный интерес матери к её расписанию выглядит как слежка.

— У меня рабочий вопрос, который случайно пересёкся с её маршрутом. Это не про Настю. Это статистическое совпадение, которое я обязана проверить.

— Обязана проверить, — повторил Игорь с той же самой безучастной интонацией, с какой утром Настя повторяла «как обычно» — будто эта манера передалась дочери от отца целиком, без изменений. — Маша, ты всегда была обязана что-то проверить. Именно поэтому мы и разошлись.

Она не стала спорить. За шесть лет после развода они выработали негласное правило: не возвращаться к причинам развода в разговорах о дочери, потому что причины были слишком многослойными, чтобы уместиться в один телефонный звонок, и слишком старыми, чтобы иметь значение сейчас.

— Я поговорю с ней, — сказала она вместо этого. — Объясню.

— Постарайся объяснить так, чтобы она поверила. Она сейчас не в том возрасте, когда верят на слово.

Когда разговор закончился, Маша ещё долго сидела с телефоном в руке, думая о том, что Игорь, при всей его отстранённости, был прав в одном: у Насти действительно не было причин верить матери на слово. Слишком долго между ними были только бытовые вопросы и слишком редко — настоящие разговоры.

Она нашла Настю на кухне — та разогревала себе ужин, стоя у микроволновки с телефоном в руке, и, увидев мать, машинально убрала телефон в карман, что Маша отметила прежде, чем успела подумать о чём-то другом.

— Пап звонил, — сказала Настя, не дожидаясь вопроса. — Сказал, что ты меня отслеживаешь.

— Не отслеживаю. — Маша села за стол, стараясь говорить ровно, без той профессиональной интонации, с которой обычно разговаривала на допросах. — У меня на работе всплыл кейс, который случайно пересёкся по данным с твоим школьным маршрутом. Мне нужно было проверить даты, вот и всё.

— Случайно, — повторила Настя тем же тоном, каким сама Маша иногда повторяла чужие слова, когда не верила им до конца.

— Да, случайно. Я понимаю, что это звучит странно.

— Звучит так, будто ты следишь за мной через свою работу, потому что не можешь спросить меня напрямую. —

Настя достала тарелку из микроволновки, поставила её на стол резче, чем требовалось. — Ты вообще замечала, что мы с тобой в последний раз разговаривали не про работу и не про школу два дня назад? На кровати. Пять минут. Это был первый раз за месяц.

Маша молчала, потому что возразить было нечем — цифры сходились слишком точно, чтобы их оспаривать.

— Ты права, — сказала она наконец. — И мне жаль, что так вышло.

— Мне не нужно, чтобы тебе было жаль. Мне нужно, чтобы ты спрашивала меня, а не мои данные.

Настя ушла в свою комнату, оставив ужин почти нетронутым, и Маша осталась одна за столом — точно так же, как утром накануне, только теперь пустой стул напротив казался громче любого разговора, который между ними мог бы состояться.

Она достала телефон, открыла архив с камерами на остановке, который прислал Дима, и остановилась, так и не нажав на первое видео. Впервые за много лет она не была уверена, чего боится больше — того, что найдёт в записи, или того, что происходит в комнате за стеной, куда она снова не постучала.

Всё же она нажала.

Запись была короткой, восемь секунд, снятая с камеры на козырьке остановки. Автобус подъезжал, двери открывались, дети выходили один за другим — обычное утро, обыч-

ная давка школьников с рюкзаками. Настя появилась в кадре на пятой секунде, поправляя лямку сумки, и прошла мимо камеры, не глядя по сторонам.

А на седьмой секунде, в самом углу кадра, у края тротуара, стоял мужчина в тёмной куртке — тот самый, из аэропорта Пулково, только теперь без чемодана, без спешки, без всякой цели, кроме одной: он смотрел не на автобус и не на выходящих детей, а конкретно на Настю, ровно те полторы секунды, что она была в кадре, и отвернулся сразу, как только она прошла мимо.

Маша поставила видео на паузу и долго смотрела на застывшее изображение — на лицо человека, чьё официальное досье лежало в архиве Красноярска под чужой могилой, и на затылок дочери, которая ничего об этом не знала и, возможно, никогда даже не запомнила это утро среди десятков одинаковых.

Глава 3. Три личности одного мертвеца

Утром Маша не пошла на кухню первой. Она постучала в комнату Насти раньше, чем та успела включить фен, и вошла, не дожидаясь ответа — редкое для себя нарушение собственного же правила стучать и ждать.

— Что случилось? — Настя сидела на кровати, ещё в пижаме, с той настороженностью, которая появилась у неё за последние дни как новая, незнакомая черта.

— Я хочу проводить тебя сегодня до автобуса.

— Зачем? — Настя нахмурилась. — Мам, мне семнадцать, не семь.

— Знаю. — Маша села на край кровати, туда же, где сидела два дня назад, когда между ними случились те пять минут молчания, которые Настя теперь припоминала ей как редкость. — Я не буду ничего объяснять подробно, потому что не имею права — это связано с работой, а работа у меня такая, что детали разглашать нельзя даже тебе. Но на записи с камеры возле твоей остановки есть человек, который меня беспокоит. Просто хочу пройтись с тобой один раз. Без драмы.

Настя молчала дольше, чем Маша ожидала.

— Человек, который тебя беспокоит, — повторила она на-

конец, — или человек, который беспокоит тебя из-за меня?

Вопрос был точнее, чем Маша готовилась услышать, и она поймала себя на мысли, что дочь, оказывается, умеет формулировать вещи с той же хирургической ясностью, с какой сама Маша обычно разбирала чужие показания.

— Второе, — сказала она честно. — Поэтому и прошу проводить, а не запрещаю ехать на автобусе. Мне важно, чтобы у тебя не было ощущения, что я тебя контролирую. Мне просто нужно один раз увидеть своими глазами.

Настя долго смотрела на неё, а потом кивнула — коротко, без энтузиазма, но и без того сопротивления, которое Маша ожидала после разговора с Игорем.

— Ладно. Один раз. Но объясни мне толком, когда сможешь.

— Обещаю.

Это было первое слово за последние недели, в котором не было ни полуправды, ни попытки смягчить формулировку под удобный ответ, и Маша, спускаясь по лестнице рядом с дочерью двадцать минут спустя, поймала себя на странном, почти забытом ощущении — будто они снова на одной стороне, а не в состоянии вооружённого перемирия.

Человека с записи на остановке не было. Автобус пришёл вовремя, Настя села, помахала матери через стекло — привычка из детства, которую Маша считала давно похороненной, а она, оказывается, всё ещё жила где-то на дне.

По дороге до остановки они почти не разговаривали —

шли рядом, в том молчании, которое ещё неделю назад казалось бы Маше пустым, а теперь ощущалось иначе: не отсутствием разговора, а его паузой, в которой обоим было спокойно. Один раз Настя спросила, не оборачиваясь:

— А если бы ты не работала в своём отделе, ты бы вообще заметила этого человека?

Вопрос застал Машу врасплох — не самой темой, а тем, как точно дочь нащупала слабое место всей ситуации.

— Наверное, нет, — ответила она честно. — В этом и проблема. Обычные люди такого не замечают, потому что он и рассчитан на то, чтобы быть незаметным.

— Тогда хорошо, что у тебя такая странная работа, — сказала Настя, и в этой фразе, произнесённой без всякой иронии, Маша впервые за долгое время услышала что-то похожее на гордость за мать, а не привычное раздражение.

В отделе Маша занялась тем, чего избегала последние два дня — подняла полное досье на Виктора Аркадьевича Гриня, того самого человека, который официально умер в Красноярске четыре года назад, а неофициально продолжал появляться в аэропортах и на автобусных остановках Петербурга.

Данные вскрылись не сразу, а слоями, как это обычно бывает с делами, которые кто-то очень старательно собирал именно так, чтобы разбирать их приходилось медленно.

Сначала — обычная биография: инженер, работал на закрытом производстве под Красноярском, вдовец, детей нет, умер от инфаркта в возрасте пятидесяти трёх лет, похоронен

на местном кладбище, могила существует, соседи подтверждают похороны.

Потом — первая странность: документы Гриня, включая паспорт и старую трудовую книжку, были переоформлены в цифровой архив МВД за полгода до его смерти, в рамках программы цифровизации, которую курировало стороннее подрядное агентство. Название агентства в отчёте было замазано грифом коммерческой тайны.

Маша перепроверила дату дважды — переоформление документов за полгода до смерти означало, что кто-то получил доступ к полному цифровому слепку человека ещё при его жизни, пока он сам об этом даже не подозревал. Гринь не стал удобной жертвой после смерти. Его выбрали заранее, ещё живым, как будущий материал.

А затем — то, ради чего Маша просидела в архиве три часа без перерыва: имя Гриня всплывало не один раз, а трижды за последние два года, в трёх разных городах, с тремя разными комплектами биометрических данных, которые формально принадлежали одному и тому же покойнику. Один Гринь летал в Стамбул с деловым паспортом. Второй Гринь получал банковскую карту в Екатеринбурге. Третий — тот самый, из Пулково — появлялся в Петербурге с интервалом в несколько недель, без видимой цели, кроме визитов на одну и ту же автобусную остановку.

— Три Гриня, — сказала она Диме, когда тот зашёл к ней с очередной чашкой кофе, которую он всегда приносил без

просьбы, будто это было частью его должностной инструкции, хотя официально в его обязанности не входило даже помнить, кто сколько сахара кладёт. — Один мёртвый человек, три живых цифровых следа, и все три собраны из одних и тех же исходных документов.

— Это не подделка личности. — Дима присел, забыв про кофе. — Это конвейер.

— Именно. Кто-то нашёл идеальный материал — человека без семьи, без близких связей, чью смерть было легко подтвердить документально, и превратил его биографию в шаблон для сборки новых личностей. Столько, сколько нужно.

— Значит, Гринь — не жертва конкретной подмены. — Дима нахмурился, формулируя мысль медленнее, чем обычно. — Он расходный материал. Заготовка.

Маша молчала, глядя на три досье рядом на экране — три разных лица, слегка отличающихся по возрасту и стрижке, но с одной и той же биографией, вписанной в основание, как фундамент, на котором можно построить любой дом.

— Мне нужно найти, кто вёл цифровизацию архива Красноярска, — сказала она. — Название агентства замазано, но кто-то же подписывал контракт.

— Уже примерно догадываюсь, — сказал Дима без всякой радости в голосе. — Час назад на общий адрес отдела пришло письмо. Вежливое, обтекаемое, от корпорации «Гелиос Системс» — предлагают встречу по вопросу «взаимодействия в сфере защиты цифровой идентичности граж-

дан». Подписано лично заместителем директора по внешним связям.

Соснин вызвал её в конце дня — не с претензией, а с той спокойной интонацией, которая пугала Машу больше любого выговора.

— «Гелиос Системс» хочет встречу, — сказал он, не глядя на неё, разглядывая письмо на своём экране. — Причём хотят именно с вами. Лично.

— Откуда они вообще знают, что делом занимаюсь я?

— Хороший вопрос. — Соснин наконец поднял глаза. — Мария, я дал вам три дня. Прошло два, а у меня на столе письмо от корпорации, которая почему-то знает имя аналитика по закрытому делу раньше, чем об этом узнало моё собственное начальство.

— Я не докладывала наверх.

— Знаю. Именно поэтому меня это и беспокоит.

Он не сказал больше ничего конкретного — просто дал понять, что встреча состоится, хочет она того или нет, и что у неё осталось меньше времени, чем она рассчитывала, прежде чем дело перестанет быть только её делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.